Космополитика ретрита
Тару Элфвинг

> «Посещение — нелегкая практика, которая требует умения находить других активно интересными, … культивировать дикую добродетель любопытства, перенастраивать свою способность к чувствованию и реагированию, — и делать все это вежливо!»[1]

Я пишу это в конце еще одного рекордно жаркого лета. Аномальная жара и засуха уже оставили свои временные следы на ландшафте, и только время покажет, насколько глубокими могут стать эти последствия. Они добавляют ещё один слой к богатым, запутанным отложениям осадков острова у юго-западного побережья Финляндии, где я в настоящее время работаю над созданием новой программы резиденции для художников. Городскому глазу это убежище на огромном архипелаге кажется нетронутым, однако под поверхностью окружающего Балтийского моря пролегает особо хрупкая морская экосистема с низкой солёностью, которая уже несколько десятилетий страдает от бесчисленного множества видов загрязнений. Тщательно охраняемые леса, характерные для этих самых островов, тем временем являются домом для ещё одной невидимой угрозы. Клещи, крошечные кровососы, переносящие болезни, быстро распространяются дальше на север благодаря теплеющему климату, разрастаются в регионе вместе со своими животными-хозяевами, белохвостыми оленями. Эти неместные виды оленей, завезённые в Финляндию в тридцатых годах, в настоящее время являются приспособленными к новым условиям жителями островов и большей части материковых лесов, где практически нет других хищников, не считая охотников на людей и лихачей.

Остров Сейли — это микрокосм, который отражает острые планетарные проблемы современности на фоне сложных исторических традиций. Долгосрочное научное картографирование изменений в местной экосистеме вплетено здесь в многовековую институциализированную политическую стратегию и биополитику. С середины шестидесятых годов на острове находится Институт исследований архипелага Университета Турку, который хранит уникальную коллекцию научных данных. Теперь это обеспечивает основу для междисциплинарного моделирования будущих последствий изменений окружающей среды, а также для анализа сложных взаимозависимостей между различными видами, включая людей. До создания Института остров служил местом заключения для прокажённых с начала семнадцатого века, а позже — психиатрической больницей для женщин. В наше время растущее число туристов стекается на остров в летние месяцы благодаря финансиализации образования, вынудившей университеты сдавать много своих зданий в аренду ресторанному и гостиничному бизнесу.

Этот грубый набросок многовидового сообщества и экосистемы служит основой для моих размышлений о видах на жительствах здесь. Будучи новоприбывшей и не имеющей корней в этом районе, я вполне могу считаться захватчиком на острове, в отличие от клещей, оленей или туристов. Нахожусь здесь просто проездом. Продолжающиеся экологические изменения, связанные с историей принудительного заключения, преследуют любое размышление о принадлежности к острову. Быть резидентом, даже временным, просто проездом оказавшимся здесь, никогда не становится нейтральным вопросом выбора. Скорее, это поднимает множество вопросов, касающихся прав, доступа и устойчивости. Любая возможность проживания подразумевает значительную привилегию - будь то в области мест

1

пребывания для художников или других смыслах этого слова. Кто может стать временным резидентом и на каких условиях?

В конце концов, вид на жительство — это никогда не нечто просто принимающееся как должное, а скорее предоставляемое. В художественных резиденциях существует контракт, и, каким бы неформальным он ни был или без каких-либо обязательств, он устанавливает определённые нормы поведения и взаимно согласованные цели. Существует профессиональная структура, которая закладывает своего рода фундаментальные элементы, даже если резиденция в остальном функционирует полностью автономно. Тем не менее, действительно ли это содействует принадлежности или усиливает чувство ответственности как резидента, и если да, то каким образом, это другой вопрос. Как и на острове Сейли, все резиденции расположены особым образом и связаны с силами и интенциями, выходящими за рамки их непосредственного контекста. Таким образом, чтобы обозначить своё место пребывания, необходимо принять ответственность за свои действия на местном уровне, а также за их вероятно далеко идущие и непредсказуемые последствия, которые сегодня стимулируются в результате глобальной циркуляции и неравномерного распределения художников, капитала и последствий изменения климата.

Это представляет собой серьёзную проблему, которую нужно учитывать, если речь заходит о резиденциях для художников, а не перекладывать её исключительно на плечи отдельных деятелей, как я буду утверждать в дальнейшем. Как, таким образом, резиденции могут развивать способность реагирования на многие аспекты предлагаемых им временных домов, окружающей среды и сообществ со всей их сложностью? Или, по словам Донны Хараувэй, как «проявлять уважение, отвечать, оглядываться назад взаимно, замечать, обращать внимание, любезно заботиться, выражать почтение: всё это связано с вежливым приветствием, с формированием полиса, где и когда встречаются виды»[2]?

Мобильные Резиденты

Для начала необходимо выяснить, что на самом деле означают термины, связанные с резиденциями. Слово residence (резиденция) происходит от латинского «тот, кто сидит» и обозначает место жительства или официальную резиденцию правителя или высокопоставленного чиновника, обычно это внушительное жилище, такое как замок или поместье. С другой стороны, английские слова residence (резиденция), residency (местожительство) и resident (резидент) открывают множество позиций, ассоциаций и связанных с ними практик: иностранные агенты в истории колониализма и шпионажа, студенты-медики, специализирующиеся в больницах, частные лица и предприятия, зарегистрированные в каком-либо месте, студенческое жилье, преподавательские должности и служебное жилье на рабочем месте. В более общем смысле, место жительства относится к долгосрочному или постоянному месту проживания, или программа или файл, находящийся (residing) в памяти компьютера, а не загруженный откуда-либо еще. Оно также относится к птицам, которые не мигрируют в соответствии со сменой времен года.[3]

Птицы, впрочем, вряд ли будут определять свое чувство принадлежности и место жительства подобным образом. Будущие отношения между компьютерами/искусственным интеллектом и местоположением, опять же, еще предстоит увидеть. Для людей, с другой стороны, поселение в каком-либо месте всегда в той или иной степени ограничено, временно и регламентировано. Изучение терминологии и практик проживания показывает, что эта антропоцентрическая перспектива и попытка определить различные степени привязанности к какому-либо месту или чему-либо подлежат обсуждению, они также исторически и культурно специфичны. Тем не менее, эти привязанности имеют значение.

2

3

Таким образом, слово «местожительство» в его различных значениях обращает нас к изменчивым линиям разлома настоящего между постоянством и изменением, принадлежностью и бескорневостью, местным и планетарным. Термин «резиденция художника» поразительным образом помещает художников и их работу в эти самые пограничные области неразрешенных противоречий, которые открывают богатый спектр вызовов и возможностей. Быть резидентом не противоположно тому, чтобы быть в движении.

Это требует пересмотра идей мобильности, тем более что сегодня чрезмерное число людей, похоже, выступает скорее за восстановление стен. Помимо всплеска популистской политики, взаимосвязанный неолиберальный глобальный капитализм и нарастающий климатический кризис усложнённым образом усиливают проблемы, стоящие перед этой задачей. Век невинности закончился, когда речь идет о международной мобильности, даже внутри Европы. Мобильность ценилась в политике ЕС в области искусства и культуры во имя межкультурного и транснационального обмена. В последние два десятилетия это было обусловлено одновременно идеалистическими порывами, дипломатической «мягкой силой», реалполитик строительства крепости Европа и экономическими интересами. Современная тенденция заключается в том, чтобы количественно оценить преимущества мобильности - наряду со всем остальным, включая фундаментальные научные или художественные исследования - в терминах прибыли и роста. Это усиливает давление, направленное на измерение краткосрочного воздействия, производительности и применимости, а не долгосрочных изменений и сложных моделей возникновения, как утверждают многие авторы этой книги.

Однако, хотя мобильность уже нельзя принимать не критично, существует острая необходимость в более веских аргументах в пользу её необходимости. Но что значит быть мобильным во времена принудительных миграций, усиления границ, растущей ксенофобии, обострения климатического кризиса и массовых вымираний? Кто имеет доступ к глобальной циркуляции? Как и в каких процессах производства стоимости участвует мобильность? Кому и чему на самом деле служат путешествия и, например, «нетворкинг»? Какова цена передвижения в экологическом, социальном, личном, интеллектуальном плане?

Запутанные Экологии

«Вымирают не только виды, но и слова, фразы и жесты человеческой солидарности.»[4]

Устойчивость путешествий должна рассматриваться сегодня в более широком смысле, чем углеродный след. Чтобы понять потенциал и проблемы мобильности в искусстве сегодня, необходимо задуматься о том, как экологические вопросы, а также вопросы культуры и производства знаний взаимосвязаны с экономикой и геополитикой. Работа профессионалов в сфере искусства вплетена в эту паутину множеством способов. Как показали последние политические события, существуют неоспоримые связи между неолиберальной политикой жесткой экономии, растущим неравенством и подъемом популистского национализма. Но это также раскрывает наследие колониализма в глобальном капитализме и взаимосвязь между расизмом, сексизмом и «экстрактивизмом» — инструментализованным подходом к природным и человеческим ресурсам[5]. То, как финансиализация культуры и новые формы прикаризации переплетаются со всем этим, глубоко волнует нас в искусстве.

Кто может путешествовать? Кто может отказаться от поездки? По каким причинам, какими средствами, какой ценой? Все это связано с доступом - к перемещению через

4

5

геополитические границы, к материальным ресурсам, а также к знаниям и дискурсу, к фондам и структурам поддержки, ко времени и пространству. Растущее неравенство доступа стало очевидным и в Европе, но оно многократно усиливается в глобальной циркуляции. Поэтому призывы к межсекционной солидарности между различными историями и формами угнетения, а также к осознанию их взаимосвязи, являются актуальными в искусстве сегодня.

Призыв Феликса Гваттари к сквозному пониманию экологии остается здесь весьма актуальным: «Сейчас, как никогда, природа не может быть отделена от культуры; чтобы понять взаимодействие между экосистемами, механосферой, социальными и индивидуальными вселенными, мы должны научиться мыслить “трансверсально”»[6]. Три взаимосвязанных экологических регистра, определенных Гваттари — окружающая среда, социальное и психическое — все они должны быть обращены к рассмотрению сложных взаимосвязей процессы и воздействие искусства: как знания и ценности, произведенные в искусстве и через практику искусства, укрепляют или бросают вызов неустойчивым структурам, которые пронизывают общество сегодня? В каких процессах участвуют эти практики — с точки зрения их воздействия на окружающую среду, а также властных отношений в сообществах и способов коммуникации, и с точки зрения их субъективного воздействия?

Это требует рассмотрения как инфраструктур, так и ценностей, питающих и обуславливающих наши практики и субъективности, от моделей финансирования, способов передвижения, источников энергии и потребляемой пищи до организационных структур или условий включения и исключения. Какие альтернативы экономике, основанной на росте, можно взрастить в резиденциях? Или какие модели неиерархического принятия решений могут быть опробованы? Что подразумевает радикальное гостеприимство на практике сегодня? Например, что значит заявить в контексте международного современного искусства, как это делает мэр Палермо: «Здесь, в Палермо ... нет мигрантов. Те, кто приезжает в город, становятся палермитанцами»[7]?

Как, кроме того, ориентироваться в противоречии между выживанием в ускоренном проекте и экономикой внимания, с одной стороны, и целью предложить отступление, с другой? Что нужно сделать, чтобы оправдать обещания резиденций как убежища от давления производства и даже политических преследований? Или как ретриты для художественного развития, а не просто для налаживания контактов и создания резюме? Или для межкультурного диалога или междисциплинарного сотрудничества, а не для создания «легкой» продукции для глобального распространения, которые истощают местные сообщества как ресурсы?

Ретриты в Переходный Период

Сам термин «ретрит» может стать еще одним хорошим местом для остановки. По определению, ретрит — это акт ухода от того, что трудно, опасно или неприятно; процесс отступления от достигнутой позиции или состояния; место уединения или безопасности; период группового ухода для молитвы, медитации или учебы. Таким образом, ретрит относится к месту и времени, а также к движению. В созвучных терминах резиденции могут часто пониматься как интенсивный опыт изоляции и (само)рефлексии, но также и как переходные периоды, а также как погружение в новые контексты и сообщества. Все виды критических встреч происходят в резиденциях как в ретритах.

Резиденции можно рассматривать как активные места трансформации, а художников-резидентов - как посредников, которые перемещаются между местами и людьми, культурными контекстами, специфическими и дисциплинарными знаниями, субъективным и

6

7

общим опытом. Они собирают и распространяют идеи и методы. Они бросают вызов и оказывают влияние, а также бросают вызов и оказывают влияние на других, как в повседневном, так и в профессиональном взаимодействии. Они сплетают связи между местным и планетарным, как в своей работе, так и в своих взаимоотношениях. Хотя резиденции выглядят как узлы на карте транснациональной циркуляции, они всегда также являются специфическими местами, где так называемая специфика места должна быть критически переосмыслена. В эпоху развитой глобализации и изменения климата каждый объект уже глубоко встроен в планетарные процессы. Их специфика проявляется только в отношениях с другими местами и через них. Таким образом, специфика места является реляционной, но немасштабируемой, не поддающейся универсализации[8]. Более того, место может быть понято как ситуация, событие. Это не фон, не объект изучения или среда обитания — скорее, это непрерывное формирование, частью которого мы все являемся. В резиденциях, как на острове, отношения внутри и за его пределами обостряются, требуя повышенного осознания того, что привозится, оставляется и увозится. Отступление как полный уход — опасная иллюзия.

Чувствительность к местным особенностям требует критического позиционирования художника, куратора или исследователя, взаимодействующего с ними в процессе постоянного перемещения между местами. Кому и чему служат эти взаимодействия? Могут ли они иметь какое-либо локальное воздействие или глобальный эффект, выходящий за рамки производства ценностей в сфере международного мира искусства? Циркуляция людей в резиденциях не обязательно сильно отличается от циркуляции произведений искусства между институциями, биеннале и арт-ярмарками. В лучшем случае эта мобильность позволяет признать исторические, настоящие или возникающие связи по всему миру. Но в худшем случае практики и произведения теряют способность передавать тонкие, но существенные различия и вливаются в упрощенное, монолитное видение в рамках глобального рынка. Когда люди переезжают и встречаются с другими людьми, всевозможные трансформационные встречи действительно возможны, но не гарантированы.

Как и когда резиденции действительно позволяют приверженность критическому осмыслению и открытость к неожиданным связям, или исследованиям и экспериментам без заранее определенных целей? Как свидетельствуют различные материалы, представленные в этой книге, отступление не всегда связано со значительными расстояниями. Некоторые резиденции на местах предлагают альтернативные платформы, а также долгосрочные структуры поддержки в ответ на потребности непостоянных художников и практик, которые не вписываются в проектную экономику или рынок. Между тем, важно признать, что путешествия совершаются по разным причинам. Добровольная мобильность — это не вариант для всех, как в случае с художниками, находящимися под политической угрозой, для которых временное пространство для сосредоточения так же бесценно, как и интеграция в профессиональные творческие сообщества, которую могут обеспечить резиденции. Для других же резиденции в отдаленных негородских местах позволяют на мгновение отвлечься от борьбы, сосредоточенной на проблемах окружающей среды, где они могут восстановить силы и вернуться на землю, поразмышлять о своей практике и внести свой вклад в сообщество с общими чувствами. Резиденции также могут быть позитивно эксклюзивными, как в случае резиденций, способствующих обмену, например, локальными художественными практиками и знаниями.

Таким образом, резиденции могут функционировать как безопасные пространства радикально по-разному. Как ретриты, они не отделены, а скорее «подключены» к миру

8

(искусства) и, более того, к его различным сообществам, не только через коммуникационные технологии, но и через конкретные сети и программы соответствующих резиденций[9]. Здесь на первый план выходит способность организаций резиденций к реагированию: как они позиционируют себя и формулируют свои специфические критические и практические рамки, которые определяют не только деятельность организации, но и то, что они предлагают резидентам и ожидают от них? Как они работают против индивидуалистической конкуренции и ускоренного производства, поощряя устойчивый выбор наряду с экспериментами, общностью и сложностью?

Космополитика Будущего

«Проблема не в привязанности; проблема может заключаться в том, что некоторые из нас, те, кто называют себя “современниками”, путают свои привязанности с универсальными обязательствами, и поэтому чувствуют себя свободными, определяя себя как "кочевников", свободными идти всюду, вступать на любую практическую территорию, судить, деконструировать или дисквалифицировать то, что кажется им иллюзиями или фольклорными верованиями и утверждениями.»[10]

Размышления о роли резиденций сегодня требуют переосмысления космополитизма и связанных с ним универсализированных идеалов глобального гражданства с его беспокойным колониальным наследием и антропоцентризмом. Я предлагаю здесь сместить акцент с космополитизма на космополитику, что перекликается с резиденциями, если понимать их как «призыв к изобретению способов сбора, которые усложняют политику, внося колебания», следуя определению Изабель Стенгерс[11].

Однако переосмысление космополитизма остается важным в более широком контексте международного мира искусства, неотъемлемой частью которого являются резиденции. Никос Папастергиадис, пишущий об «эстетическом космополитизме», сосредотачивается на значении глобально ориентированных практик современного искусства и их связи с транснациональными социальными движениями. Он утверждает, что разнообразные художественные практики, имеющие локальные корни, сегодня демонстрируют общее сознание в отношении глобальных проблем, однако их нельзя объединять на основе формального сходства или общих культурных традиций. Эти практики могут стать новым основанием для дебатов о политике глобализации, этике гостеприимства и культуре космополитизма, поскольку они создают альтернативные модели для межкультурного диалога[12].

«Искусство играет роль как в формировании специфического знания о мире, так и в инициировании новых способов существования в мире», — пишет Папастергиадис, и продолжает, что искусство способно «не только передать космополитическое видение мира, но и инициировать ситуации, в которых художники и общественные участники вовлечены в посредничество новых форм космополитического агентства»[13]. Обещание получения знаний, видения, способов существования и форм агентства не так просто выполнить. Скорее, вызов космополитизма заключается в том, что он требует радикальной открытости и признания неустранимых различий. Это перекликается с понятием космополитики, предложенным Стенгерс, которое призывает принимать решения в присутствии всех, кого это касается.

9

10

11

12

13

Такая внимательность не допускает «никаких коротких путей или чрезмерного упрощения, любого априорного разграничения между тем, что имеет значение, и тем, что не имеет»[14]. Более того, она позволяет расширить понятие сообщества и этики созависимости за пределы человека. Здесь нет быстрых исправлений, универсальных решений, трансцендентных общих интересов или взаимопонимания.

Поэтому космополитика не может быть программной[15]. Это скорее вопрос практики. Или, говоря словами Рози Брайдотти, это праксис (обоснованный совместный проект), а не докса (вера в здравый смысл)[16]. Более того, она требует замедления, что в теории проще, чем на практике в условиях экономики проектов и внимания, о чем могут свидетельствовать резиденции. Это также может показаться глубоко проблематичным перед лицом срочности и многочисленных кризисов, разворачивающихся с ужасающей скоростью. Тем не менее, представляется бесспорно необходимым, особенно в области искусства и критической мысли, определить место своей практики (практик): поразмышлять и сформулировать, какие средства и цели, принадлежности и привязанности направляют свою практику и каким образом.

Космополитическая практика открывается, таким образом, изнутри собственной традиции мышления и тянется наружу, чтобы думать и делиться с другими[17]. Как напоминает западному читателю Ти Джей Демос, космополитические мировоззрения имеют давнюю историю в коренных культурах, что должно быть признано в любой подобной практике[18]. Космополитика может стать деколониальной, экологической практикой, которая признает экономические, гендерные, расовые и другие властные отношения в игре. Эта межсекторалистская политика эстетики, к которой призывает Демос, внимательна к взаимодействию между локальной деятельностью и глобальными формациями, и часто развивается в междисциплинарных коллаборациях[19].

Резиденции могут стать отличной платформой для этих новых практик и экспериментов с космополитикой, но это требует критически настроенной практики, причем не только от художников, но и от кураторов и других людей, работающих в институциях искусства и формирующих их.

Чрезвычайные Ситуации

«Жизнь во время планетарной катастрофы начинается с практики, одновременно скромной и трудной: замечать окружающий нас мир.»[20]

Обращение внимания в космополитическом смысле требует различных способов наблюдения и внимательности, начиная от художественных и научных и заканчивая знанием народных и локальных практик[21]. Могут ли резиденции обеспечить уединение для этой эпистемологической и методологической множественности, не похожее на убежища для биоразнообразия, к которым призывает Анна Цинг[22]? Здесь любопытство может быть переоценено и взращено не как стремление к захвату, а скорее как желание узнать больше, которое сочетается с заботой.

Любопытство может убить кошку, но, как утверждает Стенгерс, «установление отношений не сводится к простому признанию того, что мы связаны» — скорее, это

14

15

16

17

18

19

20

21

22

достижение, связанное с риском неудачи[23]. Любопытный все глубже втягивается в запутанности всех видов, никогда не оставаясь нетронутым. Эти сложные взаимосвязи имеют неизбежное значение, о чем знает каждый, кого путешествия затронули до глубины души. Мобильность приносит с собой потенциальные инфекции — от интеллектуальных до бактериальных.

Может ли номадизм в контексте резиденций художников быть переосмыслен и отрепетирован как локальная, реляционная практика, а не индивидуалистическое скакание по резиденциям гражданина везде и нигде[24]? Но почему это должно повлечь за собой дальнейшие путешествия? В конце концов, глобализация открыла сети, позволяющие осуществлять новые способы обмена, глобального сопротивления и создания движений. Могут ли путешествия по-прежнему работать против образования отделенных «пузырей» и популистской поляризации, которые питают те же самые онлайн СМИ и платформы?

Риторика вокруг мобильности инвазивных видов, с одной стороны, и иммиграции — с другой, продолжают резонировать друг с другом, оказывая все более тревожный эффект. Это требует острого изучения и экспериментов с альтернативным опытом, пониманием и языками трансформации. Резиденции предлагают особое пространство-время для этой крайне необходимой работы, которая требует приверженности и заботы. Вместо того чтобы питать парализующие апокалиптические сценарии конца света, они могут также способствовать ориентированному на будущее поиску надежды среди сил перемен и связанных с ними процессов становления[25].

Экологическая осведомленность в период изменения климата требует, чтобы планетарные перспективы были также обоснованы и учитывали несводимые особенности местных, постоянно меняющихся экосистем. Здесь для необходимого перехода недостаточно только знаний и доступа к информации, о чем сегодня говорят многие разочарованные климатологи. Резиденции как ретриты могут выступать в качестве лабораторий для определения своего местоположения и переориентации в этой суматохе - с фокусом не только на том, что, но и на том, как практиковать - как художники, кураторы, институции. Международные резиденции художников могут предложить безопасное пространство для гостеприимства, щедрости и обмена, а не для постоянно растущей конкуренции за выживание. Они также поднимают вопрос о том, что означает сегодня предложение временного проживания. Это связано с обещаниями, возможностями и ответственностью. Быть резидентом — это не то же самое, что быть туристом, потребляющим новые впечатления и среду, исследователем в поисках новых ресурсов для добычи или интровертом-отшельником, на мгновение уединяющимся в другом месте.

Путешествия не всегда связаны с большими географическими расстояниями - например, в случае специально ориентированных резиденций или резиденций, находящихся вне контекста искусства и организованных университетами, общественными инициативами или даже предприятиями. Отступление может быть отказом от какого-либо действия и взаимодействия, но одновременно динамичной активацией других способов взаимодействия и чувствительности: это не означает обязательно буквально отступать от центра - от городов или структур мира искусства - но радикально бросать вызов самому понятию центра через отступление от традиций мышления или привычных моделей практики.

Отступление может также означать отказ от участия в борьбе за установления границ между, например, формами знания. Это может означать отказ от суждений и скорее внимательное слушание, хотя бы на мгновение, и ощущение границ различных практик, о

23

24

25

которых идет речь[26]. Тогда замедление может фактически стать ускорением наших критических и творческих способностей реагирования. Это требует экспериментов с формами и формулировками сообщества, коллективности и сосуществования, которые работают на разрыв с институциональными иерархиями, а также со всеми гендерными, расовыми и натурализованными динамиками власти.

Чтобы поддержать это, институты должны стать ответственными за свои «слепые пятна» и исключения. Они должны взять на себя обязательства по развитию практик через те границы, которые укрепляются прямо сейчас - между культурами и народами, между дисциплинами и способами познания, между индивидуальными практиками и коллективными процессами.

Между тем, ощущение чрезвычайной ситуации не должно приводить к страху или отвержению сложности и непрозрачности. Скорее, при остром осознании всегда частичных позиций и перспектив, настаивание на разнообразии эпистемологий не обязательно должно приводить к постфактумному релятивизму[27]. Напротив, время, потраченное на выполнение необходимой тяжелой работы по определению местоположения наших практик в условиях сегодняшнего многочисленного переплетения неотложных задач, может позволить нам бросить вызов конкурирующим пузырям альтернативных фактов. Это требует признания неоднородности времени и пространства, нарушающих координаты каждого временного жителя и жителя острова.

1. Харауэй, кроме того, здесь ссылается на мысль Ханны Арендт о тренировке воображения, чтобы посещать какое-либо место, и на мысль Винсиан Деспре о вежливости как эпистемологической позиции и практике.
8. См. статью Анны Цинг о специфике места и немасштабируемости.
24. См. понятие “кочевого субъекта” Рози Брайдотти, например, в связи с вопросом практики.
27. Мой акцент на эпистемологической множественности, или дискурс-разнообразии по терминологии Трейси Уорр, возник из проекта "Границы в ретрите", который я инициировала в рамках Международной программы для художников (HIAP) в Хельсинки (2013-2018).

26

27